

«99:25»

И снова это чёрное табло с зелёными цифрами на стенке пазика, прям перед водителем. Интересно, что они так застыли? Времени ведь такого нет. Фантастика, да и только.

Я посмотрел на свои часы, всегда исправно работающие. Девять ноль ноль. По идее, для походов выходного дня подниматься надо гораздо раньше, с рассветом, и да будет тебе счастье. Не получится дойти до озера Песчаного – пожалуй, приземлюсь в любом лесном закутке, что приглянется, да поем хваленых бутербродов с тунцом из местной кулинарии. Ещё орехи есть в соленой карамели, как раз по дороге перехватывать, слушая весеннее пение птиц. Ноги главное не промочить в талой воде. Конец апреля, а природа в Сибири все ещё просыпается – совсем нехотя, с ленцой, точно медведь в берлоге.

Я снова перевел взгляд на мерцающие зелёные цифры. В прошлый раз, я встретил в этом автобусе женщину

средних лет, одетую под цыганку, но явно не цыганской внешности. Когда её просили передать за проезд, она почти выкрикивала «с уважением!», и с тем же уважением передавала сдачу. Интересно, кого встречу здесь на сей раз?

Народу мало для раннего субботнего утра – в салоне даже не пахнет ничем кроме кожаной обивки сидений, слегка нагреваемой солнцем. Вот молодой парень в огромных наушниках впереди меня сидит, безучастно смотрит в окно. На учёбу едет, наверное. Город студенческий, а по субботам многие учатся.

Вон пожилая пара пристроилась в хвосте на последнем сидении, за руки держатся. Такое нечасто встретишь – да и как вообще сейчас люди подолгу вместе живут?.. Я вот, несколько раз сходился и расставался, самые длительные отношения из всех – шесть лет, от силы. И те рассыпались. А люди и по двадцать шесть, и по тридцать шесть, как, наверное, эти бабушка с дедушкой, вместе живут.

Напротив моего сидения замерла девчонка лет восьми-девяти, в тёмных очках. Очевидно, её тоже заинтересовали те светящиеся зелёные цифры.

- Как вас зовут? – неожиданно спросила она.

- Виктор, - отвечаю на автомате, чуть вздрогнув. – Для дяди ещё рано, так что можно просто - Витя. А тебя как?

- Света. А куда едете?

- В поход.

- А куда это, в поход? – она сняла с плеч маленький ранец и положила рядом с собой на обшарпанное сидение.

- В Тимирязево. Лес... красиво, - мечтательно протянул я. – Поздно вот только вышел.

- А сколько время? – девчонка смотрела на меня через огромные стёкла тёмных очков, явно не детских, с пятнистой оправой.

В них, она напоминала стрекозу или муху.

- Девять часов семь минут, - я снова посмотрел на свои спортивные часы. – А ты куда в такую рань, да ещё и одна?

- Я прокатилась немного, домой еду, - Света взялась тонкими ручонками за спинку переднего сидения. – Подскажите мне, когда остановка Лагерный сад будет?

- Мне самому на ней выходить, вместе и выйдем.

- Спасибо, - улыбнулась она и отвернулась.

Я улыбнулся в ответ, но мысли закрались тревожные. Ребёнок, один. В такую рань, домой. Получается, она уже накататься успела? Во сколько она вообще проснулась, и вышла одна?

Я снова посмотрел на Свету. Легкая весенняя курточка малинового цвета с грязноватыми рукавами – судя по всему, давно не стиранная. Серые джинсы – под коленом дырка, и по бокам грязные полосы. Ранец только вот целый, совсем новый. Ещё и очки эти, наверное, у мамы или старшей сестры стащила.

- Ты... точно не потерялась? – задал я зудящий вопрос.

- Нет-нет, я не первый раз катаюсь на этом автобусе, не переживайте, - она залезла в карман курточки, и не глядя, достала монетки. – Посмотрите, пожалуйста, здесь двадцать один рубль?

- Кроха, ну что ты, надо математику-то в школе подтягивать, - я покачал головой. - Да заплачу я за тебя, оставь на мороженое.

Я закинул свой рюкзак за спину и подошёл к водительскому месту.

- Два. Лагерный сад, - протянул я деньги за проезд, сам украдкой посматривая за девчонкой. Жаль, за очками не поймёшь – куда смотрит, грустит или нет, всё ли в порядке. Глаза ведь, зеркало души – так вроде говорят.

Девочка нащупала ранец, закинула на плечи, и держась за поручни, продвинулась к выходу.

- Поможете мне спуститься? – она вертела головой, будто оглядываясь по сторонам. -А то, я не вижу...

В горле образовался ком. В этот момент я пожелал, чтобы на меня, только на меня – рухнула крыша этого старого пазика вместе с баллонами. Света слепая... А я ей со своей математикой, дурак!

На остановке, я быстро выскочил и помог Свете спуститься.

- Свет, послушай... Прости за математику, я не...

- А я её знаю, Витя, знаю! Дважды два – четыре! Шестью шесть – тридцать шесть! – Света принялась кружиться под куполом остановки. Через узорчатое стекло пробивалось солнце – но девочка не могла этого видеть, только чувствовать.

Интересно, из чего состоит её мир? Ей ведь доступны только запахи, тактильные ощущения да звуки...

- Свет, давай я тебя до дома доведу и маме передам, хорошо? - я проводил взглядом автобус, на который мне стоило пересечь, чтобы попасть в Тимирязево.

- До мамы не надо, она занята. До качелек в моем дворе, хорошо? - она перестала кружиться и подошла ко мне.

Вернее, на мой голос.

- Идёт, дай пять! - приободрил я её и взял за вспотевшую ручонку.

- Тогда во двор через два дома! Которые деревянные, там жёлтые за ними и мой двор... Меня так научили говорить, - она снова заулыбалась.

Мы двинулись в сторону её дома, и я совсем забыл о походе. Сейчас мне казалось, что самое ценное – то, что происходит сейчас, а не то, что я так желал обрести в лесу.

Деревянные скособоченные дома сменились трёхэтажными сталинками. Незастекленные балконы пестрили стиранным бельем, хотя на улице ещё прохладно – только днём пригревает. Из приоткрытой двери одного из подъез-

дов душно пахнуло сыростью и мхом. Между двумя ступенками и находилась детская площадка.

- Свет, мы пришли, - я подвел девочку к качелям и помог сесть.

- Покачаешь меня? - Света улыбнулась и поправила сползающие очки.

- Конечно. Свет, а почему домой не идешь? - я легонько толкнул поскрипывающие качели.

- А у меня папа пьёт, дома нехорошо. Мама кричит. Я лучше погуляю...

У меня перед глазами поплыло. Дома превратились в одно сплошное серо-жёлтое пятно. «Папа пьёт... Дома нехорошо... Я лучше погуляю», - в голове гулким эхом отдавались слова слепой девочки. Словно через толщу воды, до меня доносилась ругань с одного из балконов - кажется, это и был отец Светы...

А она, звонко смеясь, взлетала выше и выше, навстречу солнцу.

Которое никогда не увидит.

«Девяносто девять двадцать пять... девяносто девять двадцать пять» - я раскачивал девочку и твердил про себя какой-то набор цифр для успокоения.

Вроде, они были на табло в том самом пазике.

Цифры, что мне эти дурацкие цифры дались...